

ОППОЗИЦИЯ 'ДОБРЫЙ, ОТЗЫВЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК' / 'ЗЛОЙ, НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК' В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Оценочная ориентация в диалектном сообществе несколько иная, чем у носителей литературного языка. Так, замечено, что с оценочной точки зрения подавляющее большинство лексико-семантических групп и лексических единиц, характеризующих человека, дают ему негативную оценку. Значительный перевес в количественном отношении отрицательно-оценочных слов соотносится с представлениями диалектоносителей о норме. В соответствии с ними что-либо плохое, неприемлемое, не отвечающее жизненным устоям, – это явления аномальные, не вписывающиеся в норму и потому получающие языковую маркированность.

Оценочная полярность присуща в говорах Ивановской области вербальным рядам, выражающим следующие значения: 'хороший, добрый, отзывчивый человек' (5 единиц) и 'плохой, злой, недоброжелательный человек' (12 единиц); 'веселый человек, весельчак' (17 слов) и 'унылый, хмурый, плаксивый человек' (32 слова); 'умный, находчивый, сообразительный человек' (26 слов) и 'глупый, бестолковый, недогадливый человек' (43 слова и 3 устойчивых выражения).

Материалом для анализа послужили данные словарной картотеки по теме «Человек», которая хранится на кафедре русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВПО Ивановского государственного университета. Картотека содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, собранную по «Программе Лексического атласа русских народных говоров», отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв. Для дополнительной верификации номинаций к анализу были привлечены материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Ярославского областного словаря» (ЯОС). Для настоящего исследования принципиально важной является позиция системного подхода к отбору и исследованию материала, исключая дифференциальный принцип и предполагающая равноправие всех языковых фактов, независимо от их общности с литературным языком. Такой подход характерен для многих весьма авторитетных работ в области диалектологии и лингвогеографии, он составляет теоретическую основу «Лексического атласа русских народных говоров».

Для характеристики злого, то есть исполненного чувства недоброжелательства, враждебного, полного злобы, злости человека в говорах Ивановской области используются наименования *ехи'дник*, *ехи'дница*, *злы'день*, *злы'дня*, *лиходе'й*, *лиходе'йка*, *лихома'нка*, *ли'хо одногла'зое*, *лю'тый*, *не'людь*, *него'дный*, *серди'тый* (11 лексических единиц и 1 устойчивое выражение).

Бытующее в Тейковском, Лухском, Шуйском районах слово *ехи'дник* (форма женского рода – *ехи'дница*) 'злой, ехидный человек' образовано от

разговорного существительного *ехи́дна* ‘злой, язвительный, коварный человек’ [4, т. 1, с. 468], также употребляется в вологодских, свердловских говорах, ср.: *Злого, недоброжелательного человека мы называем ехидником* (Тейковский р-н); *Не спрашивай, рубля не дам, ехидница*. Свердлов. [3, т. 9, с. 47].

Однокоренные существительные *злы́день* (Вичугский, Юрьевецкий, Лухский р-ны) и *злы́дня* (Фурмановский, Южский, Юрьевецкий р-ны) употребляются по отношению к злему, сердитому человеку, ср.: *А злой – злыдень, плохой, хитрит, того гляди, что сделает злое* (Вичугский р-н); *Зовём Машку, сестру кумы, злыдня да змея ехидная* (Южский р-н). По данным СРНГ, первая лексема *злыдень* в пермских говорах называет плутишку, лентяя; вторая *злыдня* в ярославских, саратовских, челябинских – злого, недоброжелательного человека, в вологодских – скупого человека, скрягу [3, т. 11, с. 294-295]. Кроме того, в русских диалектах слово *злыдня* соотносится с нечистой силой, так как в саратовских говорах служит наименованием черта, в смоленских – существа, олицетворяющего беспросветную нужду, бедность, ср. в поговорке: *Злыдня просится на три дни, а увяжется на весь век* [3, т. 11, с. 295].

Ивановским говорам известны сложные существительные *лиходе́й* (форма женского рода – *лиходе́йка*) ‘злодей’, *лихома́нка* ‘злодейка’, ср.: *Она на всё злится, лиходейка* (Южский р-н); *Он женился на ехиднице и лихоманке, которая зудела над ним и днём и ночью* (Тейковский р-н). Лексема *лиходейка* зафиксирована в исследуемых говорах и в значении ‘женщина, отбивающая у других мужей’, ср.: *Самогоночку не пью, Боюсь заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюсь разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – ‘соперница’ [3, т. 17, с. 78]. От существительного мужского рода *лихома́н* ‘злодей’ Тобол., Вост., ср.: в курских говорах – ‘дьявол, черт’, в вологодских – ‘неприятный человек’, в северо-двинских – ‘сумасбродный человек’ [3, т. 17, с. 79], образовано слово женского рода *лихоманка*, в архангельских, ярославских говорах номинирующее злодейку, в томских – проказницу, ср.: *Дама виной – это лихоманка называется* [7, т. 6, с. 7]; *Да погодите, лихоманки эдаки, мне не до вас ещё*. Том. [3, т. 17, с. 79]. Отрицательная семантика наименований продолжается в глаголах *лиходе́ить*, *лиходе́йничать*, *лиходе́йствовать* ‘делать зло, вредить’, *лихома́нить* ‘много вредить, постоянно делать зло, мошенничать или обманывать’ [2, т. 2, с. 335], а также обращает нас к значению древнерусского существительного / наречия *лихо* ‘зло, злое дело’ / ‘плохо, дурно’ [6, т. 15, с. 90], известным в народных говорах – сущ. ‘злая судьба’ Пск., Смол., ‘горе, печаль’ Волог., Арх., Ворон., Курск., ‘досада, неудовольствие’ Влад., ‘обида’ Арх.; нареч. ‘тяжело, плохо, больно (физически или морально)’ Волог., Костром., Яросл., Влад., Пск., Арх., Перм., Урал. и т.п., ‘противно, неприятно’ Вят., Перм., Свердлов., Тобол. и т.п., ‘обидно, досадно’ Волог., Сев.-Двин., Вят., Перм., Пск., Смол., Калуж. и т.п., ‘нехорошо, злобно; лукаво’ Влад., Яросл., Волог., Арх. [3, т. 17, с. 76].

Возникшее на основе метафоры образное наименование человека, способного причинить зло, *ли́хо одногла́зое*, ср.: *Ух, ты, лихо одноглазое! Всё в доме переломал!* (Юрьевецкий р-н), связано с народными

представлениями об одноименном мифологическом персонаже как воплощении злой доли, горя, несчастья, беды: «В поверьях лихо – демоническое существо, имеющее обычно облик худой одноглазой женщины или великанши ростом выше деревьев; ее появление предвещает беду. Так, по поверьям, лихо иногда бродит по земле и нападает на людей; на человека, к которому она «привязалась», начинают обрушиваться всяческие беды: он заболевает, становится нищим, теряет родных и т. д.» [5, с. 329]. По данным СРНГ, в ярославских, костромских говорах *лихо одноглазое* – прозвище косоного человека [3, т. 17, с. 76].

Крайняя степень неодобрения диалектоносителями злого, недоброжелательного человека выражается негативно-приставочными лексемами *не'людь, него'дный* 'дурной, скверный', ср.: *А этот негодный только о себе думает* (Родниковский р-н). В ярославских говорах слово *нелюдь* выступает как собирательное существительное в значении 'плохие, дурные люди' (ср.: *не'люд* 'дурной народ, неблагожелательные люди' Даль [3, т. 21, с. 75]) и как существительное общего рода 'нелюдимый человек; нелюдим' // 'застенчивый, боязливый человек', ср.: *Да что хоть ты от людей-то всё хоронишься, нелюдь ты этакой!* [7, т. 6, с. 134]. Отрицательную коннотацию содержит и прилагательное *негодный*, характеризующее нежелательного, неугодного, неприятного, противного человека в уральских говорах, ср.: *Ну и начала ругаться, негодна така.* Нижн. и средн. теч. р. Урал [3, т. 20, с. 373].

Общеупотребительные прилагательные *лю'тый* 'жестокий, беспощадный (о человеке)' [4, т. 2, с. 211] и *серди'тый* 'склонный сердиться, гневаться; раздражительный' [4, т. 4, с. 79] в ивановских говорах номинируют враждебного, полного злобы человека, ср.: *Злого лютым у нас называют; Уж больно он сердитый. Что бы добро кому сделал, помог, так нет вот* (Шуйский р-н). В значении 'злой, сердитый' лексема *лютый* зафиксирована во многих русских народных говорах – ярославских, псковских, вятских, нижегородских, костромских, новгородских, пермских, ср.: *Куда как лютый наш хозяин.* Вят.; *Седуха-то больно люта.* Костром. [3, т. 17, с. 249]. Небезынтересно отметить, что в тамбовских говорах слово *лютый* бытует в значении существительного 'злой дух', ср.: *Хрясни его лютый* (бранно). Тамб. [3, т. 17, с. 249].

Как отмечалось ранее, к положительным явлениям жизни (соответствующим представлениям диалектоносителей о норме) народная речь относится более спокойно, чем к отрицательным (антинорма), т. к. «норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть сколько угодно» [1, с. 17], что выражается в достаточно небольшом количестве лексических единиц, составляющих противоположный полюс со значением 'хороший, добрый, чуткий, отзывчивый человек': *до'брый, доброжела'тельный, душе'вный, раду'шный, ще'дрый*, ср.: *Добрый он, не жадный, душа нараспашку, не жалеет ничего* (Вичугский р-н); *Душевный он, доброжелательный мужик: всегда другим помогает* (Родниковский р-н); *Тинято такое был, но щедрый малый* (Фурмановский р-н). Все

представленные наименования являются общеупотребительными словами, функционирующими как в литературном языке, так и в говорах, это свидетельствует о положительной оценке доброго, отзывчивого человека всеми носителями русского национального языка, независимо от территориальной принадлежности.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
3. Словарь русских народных говоров. – М., Л., СПб., 1965–2013. – Т. 1–46.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985–1988.
5. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.
6. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1974–2005. – Вып. 1–32.
7. Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991. – Т. 1–10.